

Тимур УРАЗБАХТИН

МЕЖДУ ХАЙДЕГГЕРОМ И БАЯНОМ

Автоэтнографический очерк

В недрах нашей необъятной родины сокрыт сонм наций – почти две сотни. Некоторые из них, подчиняясь жестким законам истории, постепенно стусеиваются, навсегда растворяясь во времени, лишь эхом отзываясь в обертонах чужих культур. Это обстоятельство предлагаю рассматривать в жанре человеческой трагедии, а переживание трагедии, как известно, имеет большой терапевтический потенциал. Для меня этот исторический процесс одновременно личная драма и самотерапия.

По паспорту я татарин. Родился и вырос я в Башкирии. Мой родной язык русский. Сызмалу в меня впивались хваткими острыми зубками, доводя до упоения, преимущественно коды русской культуры. Поначалу это был русский народный (пост)фольклор, в том числе и киносказки Роу. Затем русскоязычная художественная литература от «Дедушки Маза и зайцев» до «Повестей временных лет». Довольно рано – академическая музыка русских композиторов от Глинки до русского немца Шнитке, русская живопись от иконописи Рублева до полотен Васнецова. И прочее русское. Вместе с тем, как в губку, невольно, но без остатка, абсорбировалась в меня в процессе жизни общеевропейская, в значительной мере западноевропейская, культура: от изображений из околдовывающего фильмоскопа сюжетов Шарля Перро и братьев Гримм до музыкальных опусов Штокхаузена и записей игры Гульдом ХТК Баха, от кино Бергмана и Висконти до философский воззрений Фуко. И прочее, и прочее европейское. Почти с рождения я слышал татарскую, а затем и, реже, башкирскую речь. Татарские песни под баянные напевы подчас озорными, а временами и тихими музыкальными ручьями лились мне прямо в уши в те недолгие периоды, когда я гостил в татарской деревне *Адзитарово* у своих давно отлетевших в иные миры *картатай* (дедушки) и *нэнэй* (бабушки). Незачем говорить о диктате американской культуры (пусть она стала в результате и дорога моему сердцу), как и о власти наследия специфичной по определению советской культуры, ничуть не менее дорогой, которая вкушалась уже с молоком матери.

Вся эта мучительная рефлексия выстраивает парадоксальную «я-концепцию». Многонациональное «я» обретает свою истинную самоидентичность и хайдеггеровский «дом бытия» внутри русского языка. Другими словами, я *русский татарин из Башкирии с европейским образом мышления, американо-советскими клише в подкорке мозга и тягой всеми фибрами души моей ко всему восточному*. Обычный современный расслоенный национально человек. Выражаясь шаблонно и общепонятно – космополит, мирожитель, всемирный гражданин.

Позволю отпустить воображение на волю и попробую связать этот хаотичный внешний мир с миром внутренним. За основу такой биполярной идентичности я возьму представление о том, что я русский, потому как язык и культура мои в основе русскоцентричные, а припоминать буду несколько моментов опыта общения с носителями родной, но периферийной в моей жизни, культуры сложносоставного этноса, в котором слышны, повторяюсь, отзвуки не только древних булгар, но и, вероятно, при хорошем настрое слуха отдаются в ушах и обертоны далеких и славных гуннов, – с «генетическими» татарами. В довесок прибавлю, что исповедуемая русскими христианская религия отложились в моем мировосприятии ощутимее, нежели мусульманская религия татар. В годы учебы на хоро-дирижерском пел в церковном хоре, хотя так и не крестился (такая

практика не исключительна в Башкирии и Татарии). А дороги к золотокупольным московским храмам и монастырям знаю наизусть.

Однако мечети с их устремленными в космос минаретами и расходящимися кругами вширь певучими сильными голосами муэдзинов пленяют навечно. Стамбульская Голубая мечеть, как бы подражающая Святой Софии, одетая в лоскутки десятков тысяч расписанных вручную керамических плиток тончайшей работы с величественным михрабом и утешающим душу минрабом ошеломляет сознание. Смыкаю глаза и вижу в уютной срубной *избе* (так татары-мишари еще поколение назад называли дом) *Махмузу*, пожилую женщину (*хатын-кыз*) в аккуратной бархатной чалме, перебирающую руками мусульманские четки из зеленых полудрагоценных полустертых камней и шепчущую отчетливо магические арабские слова: «*Аuzu билляхи минашшайтаани р-раджим. Бисмилляхи рахмани рахим...*» (Я прибегаю к защите Аллаха от проклятого шайтана. Во имя Аллаха милостивого и милосердного). Вскоре камушки на окольцованной нитке оказываются в руках *белекей малай* (мальчика), внука Махмузы. И уже я нашептываю усердно с подсказками *нэнэй* арабские молитвы для очищения кармы. Особенно я вхожу во вкус на словах «*шайтАну рази*» (именно так произносил), воображая Аллаха бьющим плеткой черта. До нынешнего момента свято верил в то, что «рази» значит ударь, порazi, то есть накажи этого Шайтана за его дурные помыслы и поступки.

А вот и муж *Махмузы Вагиз* в тубетейке ведет выгуливать на лужайку *коз*. Я устремляюсь за ним, хотя этих *коз*, в отличие от Шайтана, отчаянно боюсь. *Козы* эти не бодаются, но зато шипят и гогочут. По-татарски гуси – *каз*, гласная представляет собой умлаут, нечто между «о» и «а». С картатаем мы понимаем друг друга с полувзгляда, но никак не с полуслова. По-русски он знает буквально пару десятков слов, а я по-татарски и того меньше. Зато у нас с ним свой отдельный *койне*, и скреплен он любовью к *хайваннар* – животным. Наш общий словарь примерно такой: *буре, эт, псей, аю, арыслан, сыер, дунгыз, сарык, куян, ишэк, каз, урдэк, этэч, тавык, елан, тычкан, байбак, болан, бака* – волк, собака, кошка, медведь, лев, корова, свинья, овца, заяц, осел, гусь, утка, петух, курица, змея, мышь, сурок, олень, лягушка.

Русский язык в моем детстве еще не был *лингва франка* в деревне *Адзитарово*. Тогда сельские с городскими, хоть и не без препон, коммуницировали посредством татарского. И я с моими родными братьями сходили в родной деревне может и не за «белых воронят», но никак и не за «черных», веселя незнанием родного наречия местных жителей. Вот я иду с *абый* (старшим двоюродным братом) и *ана* (двоюродной сестрой) к колодцу за *эчер су* (питьевой водой). На плечах у нас расписные ручные *суц кэянте* (коромысла) и бликующие от солнца эмалированные ведра. У колодца нам встречается местная.

– *Исәнмесез!* (Здравствуйте!) – доброжелательно приветствует *хатын кеше* (женщина).

– *Исәнмесез!* – задорно реагируем мы, в том числе и я.

– *Сез каян килдегез?* (Вы откуда?)

– *Без Сургуттан, ә ул Уфадан* (*Мы из Сургута, а он из Уфы*) – лихо произносит моя сестра *Гузель*.

– *Ә, аңлашыла. Сез кем балалары?* (А, понятно. Вы чьи дети?)

– *Без Вагыйз һәм Мәхмүтнең оныклары. Мин Рифхатының улы* (*Мы внуки Вагиза и Махмузы. Я сын Рифхата*), – отвечает *Радик*.

– *Мин Тәскирә кызы, ә ул – Варис улы* (*Я дочь Таскири, а он сын Вариса*), – за себя и за меня говорит сестра.

– *Ә ул нигә үзе җавап бирми? Ул урусмы?* (А он почему сам за себя не отвечает? Он что, русский?) – хитроумно посмеиваясь, не отстаёт наша собеседница.

– *Юк, ул татар, ләкин татарча сөйләшә белми* (Нет, он татарин, но говорить по-татарски не может).

– *Ничек шулай? Димәк, ул рус.* (Как так? Значит он русский.) – подытоживает хатын кеше, уже основательно растягивая рот в улыбке со всеми зубами и просветами между ними.

Татарская сторона моей биполярной идентичности шла по отцовской линии. До пятого класса школы обучение в деревне велось на татарском языке. Мать, тоже чистая татарка, рассказывала, как покрывалась пурпуром на заре их совместной жизни. Отец не только часто говорил по-русски без предлогов, поскольку в татарском используются послелогии (*эстелде, урманда, сунын* – на столе, в лесу, у воды), но путал роды. Мог в отношении к мужчине склонять предложение в женском роде, говорить «она», и наоборот, о женщине – «он». К моменту моего рождения отец освоился, и мне не довелось послушать языковых каламбуров. С нами он всегда говорил по-русски, хоть и с незначительным акцентом. Но деньги всегда считал только по-татарски: *бер, ике, эч, дурт, биш, алты, жиде, сигез, тугыз, ун, унбер, уника...* А с родственниками и знакомыми носителями языка всегда переходил на родной язык.

Моя же мать, городская жительница, как и я, родного языка почти не знала. Она училась в обычной русскоязычной советской школе. И пурпуром она на заре совместной супружеской жизни уже покрывалась, когда приезжала все в ту же отцовскую деревню *Адзитарово*. Его бесчисленные младшие братики и сестренки (мои дяди и тети), сидя по лавкам, хихикали, стоило ей только хоть что-либо пролепетать по-татарски. Мать со временем исправилась и довела язык до сносного состояния, слушая татарские эстрадные песни и зазубривая слова наизусть. Осели в моем бессознательном от такой межкультурной маминой коммуникации тексты некоторых известных песен:

*Сандугачлар ияләшкән су эчәргә миләштә.
Кайгыларым бетәр иде сине күрәп сөйләшсәм.
Әх, тала, тала, тала, тала ике беләгем.
Нигә тала, нигә яна икән минем йөрәгем?*

(Соловьи привыкли пить воду у рябины.
Мои горести исчезли бы, если бы я увидел тебя и поговорил.
Эх, ноют, ноют, ноют обе мои руки.
Почему же ноет, почему горит моё сердце?)

Уже взрослым я узнал, что мамино застольное попури, оказывается, состояло из двух разных народных песен, но для моего детского слуха это был единый, неразрывный и завораживающий напев.

Впрочем, мамин слух и её языковая память тоже имели свои причуды, доставшиеся ей по наследству. Её собственную маму (отец называл своих родителей *эний* и *атай*), городскую бабушку, мы тоже, все же, звали *нэнэй*. Она же с нами говорила только по-русски, и свободно, хоть *татарча* ее родной язык. Но деньги считала всегда на татарском. Она происходила от татарского княжеского рода Сакаевых (*Сакаевлар*), и чем-то веяло от нее всегда благородным. В семье было пианино для девочек, для мальчика – аккордеон (не баян или гармошка!), одежду она признавала только фабричную, из натуральных тканей, овощи и мясо покупались только на рынке. А имена у старших детей самые что ни на есть европейские: *Луиза* (моя мать) и *Рафаэль* (дядя, который в начале 2000-х с женой Ириной и дочерью Региной эмигрировал на Запад).

Когда сегодня я вдруг слышу где-то татарскую речь, сердце мое расплывается в разинутую улыбку. Детский опыт жизни между двух миров с генетическими родственниками, чьи язык и культура хоть и неизменная составная часть моей национальной идентичности, но не являются ее ядром, бесценен. И если мне дать сейчас в руки четки, я уже без подсказок *Махмузы*, пожилой женщины (*хатын-кыз*) в аккуратной

бархатной чалме, сумею по памяти произнести магические арабские слова, и на словах «*шайтАну рази*» буду представлять себе Аллаха, бьющего плеткой черта. А слово «*рази*» я все так же буду ощущать как производное от «разить» в повелительном наклонении. В этой странной, наивной оптике и нащупывается мой собственный дом бытия. Все строго по правилам «негенетического» русского языка.